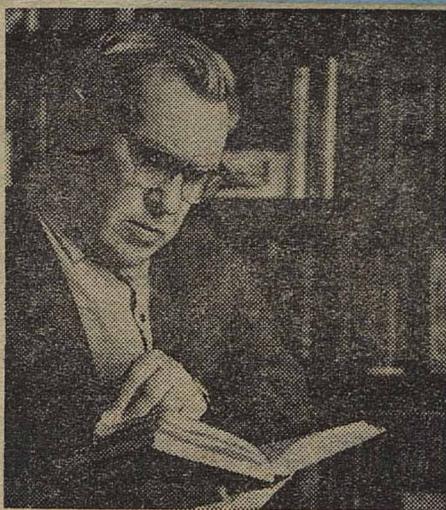

«КНИЖНОЕ СБОРЕНИЕ»
Г. МОСКВА

124 АПР 1970

Борис ЧИРКОВ, народный артист СССР

СОКРОВИЩА УМА И СЕРДЦА

нынешние, культурные и яркие обложки, — почтенное обличье старого издания радует и глаз и сердце.

Наверное, это следствие моей актерской профессии, в которой воображение играет значительную роль, — мне кажется, что книга, изданная при жизни автора, лучше передает читателю мысли и чувства своего сочинителя.

И вот... в моей библиотеке стали появляться первые издания Пушкина и его современников. Почему Пушкина? Это тоже идет от моей профессии. Русский актер обязан обладать чистым, литературным говором. А я детство свое и юность провел на севере. И характерная маера северной речи так глубоко и так крепко ввелась в меня, что при малейшем волнении либо в моменты увлеченности, когда терял контроль над собой, я тут же начинал «окать», говорить с быстротой пулеметной очереди. Чтение стихов было в таких случаях противоядием. А кто же лучше, чище и точнее говорил по-русски, как не Пушкин! С его поэзии я и начал, в нее влюбился и с нею не расстаюсь всю жизнь. Потому в моем книжном собрании и оказались многие издания поэта. А для того, чтобы полнее ощутить прелесть и обаяние пушкинских стихов, искал книги, напечатанные при жизни великого поэта. Мне думалось, что, может быть, их держали в руках люди, знавшие Пушкина, а может, и сам он прикасался к ним. Я чувствовал, как от этих томиков у меня устанавливалась какая-то особенная духовная связь с поэтом...

Среди моих знакомых появились букинисты, помогавшие в моих поисках. Один из них, интереснейший человек и удивительный знаток книги, вручая мне очередную находку, поучал: «Это закон души вещей. Раз вы отдались какому-то увлечению, те вещи, которые вас занимают, начинают сами идти вам навстречу...»

Есть ли такой закон, нет ли его, но мое долголетнее собирательство помогло мне накопить ряд книг, и интересных и редких, а самое-то главное — доставляющих радость.

Я не собираюсь рассказывать обо всем, что стоит у меня на книжных полках. Но есть там такие экземпляры, которыми часто люблюсь, и всегда с душевным волнением. Какое удовольствие взять в руки томик «Руслана и Людмилы», напечатанный в 1820 году, и думать: вот первая выпущенная Пушкиным книга. Полистать желтоватые страницы прижизненного издания стихотворений Лермонтова или рукописный сборник, составленный в конце XVIII века... С особым чувством вынимаю я из шкафа поэму Жуковского «Ундина» и, раскрыв ее, читаю на первой странице обращение, написанное рукою автора: «Почтенному Леонтию Васильевичу Дубельту от автора. 1 марта 1837 года». Ведь это год гибели Пушкина. А месяц — тот, когда Василий Андреевич Жуковский вместе с Дубельтом разбирал архив поэта. Это для меня уже не просто книга — это как бы окошечко в давно ушедшие годы.

Автографы Некрасова, Мея, Сухова-Кобылина, Маяковского... Автографы писателей — моих современников: Они делают их книги еще интереснее, еще дороже для меня.

Наверное, я напоминаю чем-то скупото рыцаря, который приходит к своим заветным сундукам — «горсть золота накопленного всыпать», когда являлось домой с новой книгой и ищу место, куда бы ее поставить. И, право же, сокровища, накопленные мною, кажутся мне куда дороже тех, что сложены были в рыцарских подвалах, — это сокровища ума и сердца человеческого. Они учат тому, что делает человека — Человеком, что зовет его к будущему, к счастью, к свету.

Сколько я себя помню, а помню с самых детских лет, всегдашней моей спутницей и подругой была... книга. Поначалу — сказки, то напечатанные на толстой, добротной бумаге издателем Кнебелем, то на тонких листочках дешевых любочных изданий. Потом пошли Майн Рид, Жюль Верн, Фенимор Купер, Генрик Сенкевич. Потом... Кого из писателей только не было!

В книгах был второй мир, в котором я жил так же увлеченно, как и в действительной жизни. И не потому, что реальная действительность меня не удовлетворяла, а потому, что этот другой мир делал меня духовно богаче, и горизонт моего существования раздвигался шире и шире с каждым новым прочитанным томиком.

Так было в детстве, в юности. А затем уже моя профессия потребовала от меня постоянного общения с книгами. Писатели учили понимать и проникать в душевный мир людей. Поэты наставляли, как надо ценить и произносить слово. И книга стала настоящей наставницей, а я все больше и сильнее привязывался к ней. Появлялись книги, с которыми не хотелось расставаться после первого знакомства. И тогда они оседали в доме, чтобы всегда быть под рукою. И уже хотелось, чтобы формат, бумага, переплет были нарядными и нестандартными.

Впрочем, ведь нравятся не только